

Ребенок появился на свет с великим шумом, и этот ребенок был рожден с великим шумом. Она помнила лишь одно — милую, нежную детку, которую так любила. Этот образ был последним, что отложилось в её памяти. Образ, который уже взял на свои плечи множество тягот и постепенно превращался в взрослого. — Как здорово, что я смогла родить тебя, — прошептала она. — Ах... как это хлопотно, — пробурчал Гинтоки, наконец-то получив возможность укрыться в углу и осмотреть свое тело, скрытое от женщины. Это не было смертельно, но проклятие, казалось, устроило пикник в его теле, блуждая снова и снова после битвы. Кости, казалось, были сломаны, нервы разлагались, а мышцы стонали. Было слишком больно, и он немного онемел от боли. Убедившись, что это не смертельно, Гинтоки распластался в этом углу. Он уже несколько месяцев спал на крыше, так что не помешает немного ревматизма. Если бы у него было это заболевание, он бы получил его, когда тренировался в младенчестве. Все в порядке. Может быть, эта команда и есть та самая. Гинтоки сразу же уважил "Джуджутсу Кайсен". Каждый, кто выжил здесь, каждый усердно работал. — Малыш, ты собираешься умереть? — Ты все еще декларативный! Разве кто-то так говорит? Как ты можешь быть так уверен, что сможешь поглотить гигалосов своим нравом? Что, потому что тебя выберут девушки, когда ты станешь карликом? Ну ладно, Джин-сан проклянет тебя до самой смерти!!! — Ты все еще очень энергичен. Дженир Дзанин поднял его за воротник, как несколько месяцев назад. — Эй, что ты делаешь? Я думал, ты просто смотришь шоу, и я думал, ты, наверное, не выйдешь, так зачем мне окажешь услугу? Я не буду помнить о долгах! Ты не станешь делать убыточные дела! — Что? Ты действительно понял. В глазах чародеев, у Дзенира Дзанина не было магической силы, он был почти как неорганическое вещество. Он мог свободно входить и выходить через различные барьеры, и даже если бы он захотел, большинство чародеев не смогли бы обнаружить его присутствие. Это была неизбежная слабость, или слепое пятно, чародеев, которые привыкли судить мир по магической силе. Но Гинтоки посмотрел ему в глаза. Укрывшись в объятиях матери, его зверские алые глаза грозили свирепо. Казалось, он запрещал приближаться, ведь это было существо, которое он защищал. — Видя, как мужчина преследует мою молодую и красивую мать с дурными намерениями, я не мог не задаться вопросом, не нашла ли она нового покупателя после изгнания своего безответственного слабого отца. Неплохо, неплохо, потенциальный актив, но она выросла в такую форму. Что еще можно увидеть, кроме лица и тела? Измени его, мама. Эта мысль пришла мне в голову. — Ты действительно осознаешь, что находишься в чьих-то руках? Ты не можешь двигаться, верно? Как эксперт по физическим навыкам, Дзенир Джин'эр сделал простое и ясное угрозу. Гинтоки тут же соскользнул на колени, — Прости, я ошибся. Дзенир Джин'эр был немного недоволен, ведь у него не было моральной целостности. По сравнению с этим чистым и аккуратным извинением, которое не позволяло найти изъяны у маленького дьявола, который был таким хитрым, как угорь, он предпочел бы нацелиться на маленького дьявола, чья самооценка была высока до небес, но была раздавлена под ногами. — Ох, какое на тебе выражение лица? Помогите, мама, здесь кто-то сломал мозг. Гинтоки извивался и вертелся в руках Дзенира Джин'эра с трудом. Дзенир Джин'эр наконец-то без колебаний прижал его к стене. — Моя рука соскользнула. — Ты был неуправляем! Ты, наверное, сделал это специально! Теперь Дзенир Джин'эр все еще странно нуждался в оправдании, но в будущем, возможно, он сможет бить людей без какого-либо психологического давления. Но это, вероятно, не будущее, которое Гинтоки хотел бы видеть. — Не шути, я раненый человек. В отличие от гения Неба и Проклятия, у меня нет баффа для восстановления здоровья. Я обычный человек, который должен долго лежать с травмами. — Гений? Ха, ты правда так думаешь? — Дзенир Джин'эр бессердечно усмехнулся, даже несмотря на то, что целью был он сам. Количество проклятой силы ясно с момента рождения. Так что Дзенир Джин'эр из Неба и Проклятия даже не имел шестилетнего периода отдыха, как Гинтоки. Ни объятий, ни слов, он был отброшен с рождения, игнорирован взрослыми, как мусор, и играл с детьми, как мяч. Какая там семейная любовь в семье Чаньюань? Она искажена с самого начала, так что все искажено. Талант важнее родства. Статус важнее эмоций. Так оно и есть. Чаньюань знал это с

самого начала своей жизни, и И отчаяние от всего этого. Даже если он протягивал руки к своей биологической матери. Эта женщина не ответила бы ему. — Разве это не здорово? Ты можешь заработать много денег, участвуя в Олимпийских играх, сэр. Люди рождаются со всевозможными силами и слабостями. Ты хорош в физических навыках, как Джин-сан хорош в поедании десертов. Даже если этот мир превратится в мир, где все соревнуются в питье майонеза от жалкого Докуши-куна, Джин-сан не сможет есть такую собачью еду. — Неважно, что думают другие, я буду стоять прямо и жить, поедая то, что мне нравится. В семье Дзенинов нет семейной любви. В семье Дзенинов нет солнца. Тогда почему существует такое солнце, которое грязно, мягко и полностью без духа, и хочет защитить свою мать любой ценой? — Как наивно. Дзенир Джин'эр оборвал словами, которые были совсем не откровенными. Он был так серьезно ранен, но говорил много живого, что означало, что травма не была серьезной. Дзенир Синджи использовал тот же метод для лечения своих ран на Гинтоки. — Аххх! Ты собираешься меня убить? Больно так. Кажется, я умираю от боли! — Переноси. Кто-то поднял его и лечил его раны. Это лечение было многократно лучше, чем когда Дзенир Синджи лежал на земле, ожидая смерти в детстве. Боль — это доказательство существования жизни. — Тогда ты не можешь позволить другим страдать! Я умираю, умираю, уже умираю, просто позволь мне умереть--!!! После лечения Гинтоки лежал и выплевывал свою душу. Он не мог говорить. С каждым вдохом проклятие разрывало его тело. С каждым криком Дзенир Синджи не ослаблял свою силу. Так что с внутренним и внешним переплетением, Гинтоки чувствовал, что он страдал не только $1+1=2$ болью, но и в пять раз больше на этой основе. Прыжок Мастер, Джин-сан тебя чем-то обидел? Дзенир Синджи вообще не испытывал психологической нагрузки. Он чувствовал, что сделал что-то, что не соответствовало его прежнему стилю, но было великим подвигом доброго человека. Он просто хлопнул по попе и убежал. Так что остался только один Гинтоки. Он стал человеком. Или он полностью стал человеком. Несмотря на это, Гинтоки не чувствовал себя виноватым. Было здорово, что его ценность позволила его матери успешно покинуть семью Дзенинов и иметь капитал для нового начала во внешнем мире и жить как обычный человек. Это было действительно здорово. Надеюсь, я не встречу плохого мужа и бесполезного ребенка в этот раз. Я могу только молиться, что пренебрежение фанатом Дзенина так долго и плохое отношение Гинтоки в конце сыграют свою роль. Не говоря уже о том, чтобы стать психологической тенью, по крайней мере, не вступай в яму, в которую ты уже вступил.